

Надежда НАДЕЖДИНА:

Моск. правды - 1998 - 16 июля - с. 14.

Владимир ПРИХОДЬКО

Малая Грузинская, 23, корпус 3. Сомневаюсь, что на типовом, ничем не примечательном - блочная коробка - доме будет мемориальная доска в честь Надежды Надеждиной. Она не самая знаменитая из живших, из живущих здесь: в свое время дом отдала Союзу писателей, поселили бесквартирных литераторов: помню, я приходил сюда к Сергею Маркову, автору «Юконского ворона».

Мы богатые талантами и не слишком бережливы. А уж уважение к чужим страданиям...

Вот будь это в Чехии, Швейцарии, Финляндии, на фасаде было бы написано: «Здесь с 1976 по 1992 жила...»

Надеждина была родом из Могилева. Отец латыш, мать русская. Родилась в 1905 году. Была третьей дочерью: надеждой на то, что после нее родится мальчик. Первым уроком свободы стала, по ее воспоминанию, весна на Днепре: вода разрывает ледяные оковы. В 17 лет уехала в Москву, хотела стать актрисой. На бульваре у грустного Гоголя записывала свои стихи - про белый цвет, в котором скрыты «задумчивости синие огни, лиловые огни воспоминаний (...) зеленые - надежды и дерзаний, и красные - безумья и любви». Она не знала, как близка к этим красным огням.

Любовь Надежды к поэту Николаю Дементьеву (1907 - 1935) окрашена в мрачные тона. По-настоящему знакомы в Брюсовском институте, где за красивой Надеждой волочился также Иосиф Уткин. Она выбрала Дементьева. После смерти Брюсова институт закрыли. Часть брюсовцев, в том числе Николая, перевели в Ленинградский университет: Надеждина оказалась в МГУ. Дементьев всякий вечер ходил на вокзал, чтоб отправить ей с поездом письмо; она в ответ описывала московские противоречивые новости. В ее «классовых» стихах белые изнасиловали «нашу Джульетту». Надежда

заносчиво унижала шекспировского Ромео: «Но о нашей любви что знаете вы, драматический пригостишка?» На литфаке она играла с огнем, не чувствуя опасности. О ужас, в докладе на философском семинаре критиковала взгляды Сталина по национальному вопросу. Вместе с другими комсомольцами примкнула в 1927 году к оппозиции. «Мы требовали опубликования завещания Ленина. Мы отстаивали право свободно мыслить, выступать с критикой любого авторитета». Она была среди студентов, наивно аплодировавших уже обреченному Троцкому. Затем, при участии ректора Вышинского, будущего генпрокурора, университет был разгромлен; многие студенты репрессированы; некоторые профессора погибли. А Надежда? Архив «Пионерской правды», анкета, заполненная в 1942 году (в это время она пришла в редакцию): «Я <...> состояла в ВЛКСМ с 1926 по 1928 год. Была исключена за участие в троцкистской оппозиции <...>. Арестовывали в 1928 году на полтора месяца и в 1929 году на 9 дней. После следствия была отпущена». В воспоминаниях: «Следствие тогда еще велось без побоев и пыток бессонницей и быстро заканчивалось. (...)»

Летом 29-го она уехала с любимым отдыхать на Урал. Вернулась мужем и женой. И тут она пожертвовала своей поэзией. Ради него. Объяснила так: «Нельзя писать стихи двоим в одной комнате, и не так часто бывает гонимая».

У англичанки Авии, жены наркома Литвинова, Дементьев брал уроки английского. Надежда работала на электрозаводе. Николай, увлеченный химией, уехал в Бобрики (теперь Новомосковск), где строился химкомбинат; здесь он написал свой шедевр: поэму «Мать». Жил в гостинице с иностранными спецами. В мае 34-го она приехала: мужа нет, а ее сторонятся. Посоветовали обратиться в местное ОГПУ, там сказали: «Ваш муж бритвой вскрыл себе

«Я знаю, что такое большая любовь»

СУДЕБ СКРЕЩЕНИЕ

вены и перерезал горло. Он жив и отправлен в Москву. Не следует разглашать эту печальную историю». Она обратилась к вдове Багрицкого, та - к влиятельному Бабелю. И следователь НКВД разрешил Надежде свидание с мужем. Взглянув на него, бледного, с забинтованным горлом, отрешенно смотрящего в себя, она поняла: это психическая болезнь. Наследственное? Чем была подпитана внезапная вспышка? И где - под арестом? В камере? В чем Николая обвиняли? Она не спрашивала, он молчал. Сказал лишь, что ему почудилось, будто Бобрики захватили фашисты.

Впоследствии поползли слухи: Дементьева принудили стать сексотом, а он вдруг надломился. Так могло быть, но было ли? Цена слухам, порочащим чужую репутацию, у нас известна: их распространителям уготованы те же круги ада, что и подлецам-доносчикам.

...После медэкспертизы Дементьева отвезли на Канатчикову дачу. Больница оставила у Надежды тяжелое впечатление: в ходу слово «чума», так называют больных; буйная, тихая чума. Тихая может разгуливать по лесу вокруг больницы. Молодые рвутся в женский корпус крутить романы. Тут в воспоминаниях Надеждиной вновь возникают образы Шекспира: «Но не знали сумасшедшие Ромео, что больные Джульетты настолько агрессивны, что электромонтеры, водопроводчики - мужская служба - боятся заходить в женский корпус». Кажется, она уже не смотрит на Шекспира свысока. Ее любовь подверглась страшному испытанию: «Свободой передвижения, как все тихие, пользовался и Коля. Иногда он приезжал домой, чтоб проверить, что я одна, что в нашей семейной жизни ничего не изменилось. Он знал больных, которых бросили жены. Я тоже видела на Канатчиковой бородастого мужчину; рыдая, сквозь слезы, он повторял: «Она не пришла, она больше не придет». Я готова была изуродовать себя (обратите внимание, читатель, - это признание любящей женщины, это не выдумашь. - В.П.), чтоб успокоить Колину мучительную ревность. Я понимала, что наша любовь - его единственная поддержка. Я приезжала на Канат-

чикову каждый день. Он ждал меня. Он выходил навстречу».

Рядом были те, кого оставили подруги, а в таких случаях, мы знаем, общественное мнение не осуждает.

Дементьева посетил Бабель. Вздрыгнул, увидя Николая идущим навстречу: думал, что больные заперты.

Прощаясь, Бабель сказал: «Не торопитесь в Москву. Москва - настоящий сумасшедший дом. Здесь спокойней». На обратном пути Бабель шутиливо пожаловался Надежде, что не сможет испытать две вещи: родить, как женщины рожают, и попасть в тюрьму, потому что половина НКВД его знакомые. (Она вспомнит эти слова, когда Бабель смеет мясорубка террора).

Мания преследования Дементьева была социально подскана. Мечена временем. Из такого теста вылеплен поэт Иван Бездомный в романе Булгакова «Мастер и Маргарита».

Она сопровождает его в редакции. Он говорит с редактором, она караулит в коридоре. Они ходят, взявшись за руку, как дети. Кажется, еще немного, и любовь спасет. Не спасла.

Гостили на Арбате, в Малониколопесковском переулке у ее сестры Тамары. Он незаметно исчез. Спустился на полпролета, вышел на балкон черной лестницы. Сел на решетку. И упал спиной вниз, с пятого. Когда она выбежала во двор, еще дышал.

А ей показалось, что он был птицей, не мог противиться силе, влекущей в полет: «Ничего не делаешь: тянет и тянет. Улетать, улетать обязательно...» Это полторы строки из его стихотворения. Позднего? Ему было 28 лет, почти как Лермонтову.

...Шел 1950 год. Надежда работала в детской журналистике, издала книжку про овощи: «Чудеса на грядках». Она поделилась с сестрой Тамарой своими опасениями: «Идут повторные аресты. Боюсь, дойдет до меня».

Говорят, они знали о нас только то, что узнали от нас. Может, ее молодые «грехи» вынырнули из анкеты «Пионерской правды», где она все о себе написала? Она попала в последнюю волну сталинских репрессий. «Не отсидели тогда, отсидите сейчас», - ухмыльнулся следователь.

В Бутырьках, затем в мордовском лагере п/о Явас, п/я ЛК 18510, Надежда провела 6 лет (получила 10). Бумага узникам не положена, а на клочках можно сочинять только стихи: «Кто-то клочок раздобыл, принес, и сразу в бараке волнение: то ли стукач пишет донос, то ли дурак - прошение». И она вернулась к поэзии.

Надежда видела женщин с выбитыми зубами. Страдающих кровотечениями после побоев. «Шпионки» - девушек, что по легкомыслию поболтали в парке с иностранцем. Старух из секты «царские», веривших, что царь жив: они не желали работать, спали в одежде, кусали руки тех, кто волок их в баню, не ели нарезанный ножом хлеб. Польку Ангелю, осужденную за то, что стояла в карауле у могилы Пилсудского. Немок, которые говорили: «За нами приедет Аденауэр и нас отпустят домой».

Она не осудила тех, кто целует в губы подруг, точно это мужчины. Пожалела конвоира-самоубийцу: «Что ночами думал он, терзаясь, почему не мог он службу нести, / нам не скажут. Но теперь мы знаем, /и среди конвойных люди есть». Она встречалась с женой расстрелянного командарма Саррой Якир. С золотоволосой Ольгой Ивинской, последней любовью Пастернака. Она сравнила ее с леди Гамильтон, которой пленился адмирал Нельсон: «...Чтоб не ждать, когда тебя ударят, / А наперекор всему, с судьбой на ты! / Может, не было б побед при Трафальгаре / Без ее победной красоты».

Потом она вышла на свободу. У нее были сердечные привязанности, встречи и разрывы. Как у женщины, потерявшей пару. На пороге старости и смерти она вернулась мыслями в молодость: «В муже я нашла родную душу. Я знаю, что такое большая любовь. В нашей семейной жизни были омраченные болезнью страшные дни. Но я согласна все вытерпеть снова, если было бы возможно вернуть прошлое».

В рифму это у нее вышло так: «И одна лишь нужна мне награда / За все муки на нашем пути - / По траве сумасшедшего сада / Вновь с тобою, целуясь, пройти».

